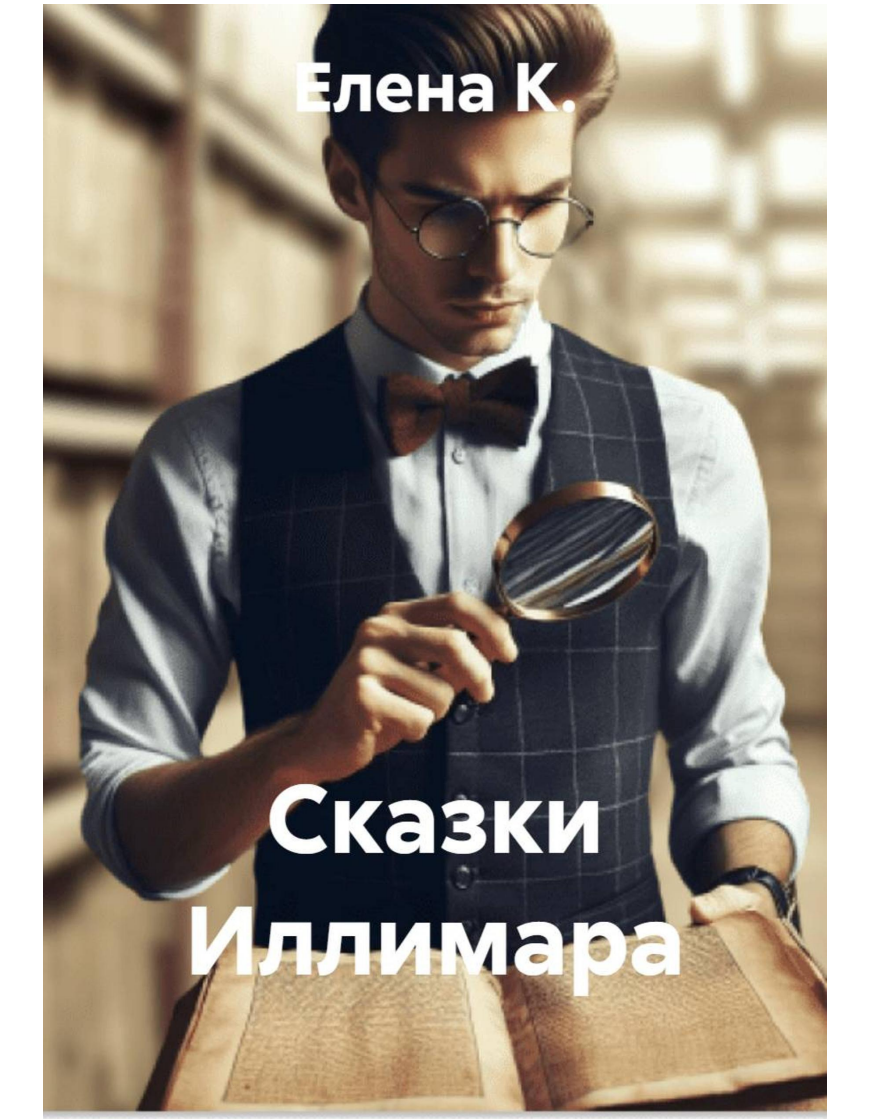

A man with dark hair and round glasses, wearing a light blue shirt, a dark bow tie, and a dark vest, is looking down at an open book. He is holding a magnifying glass over the book. The background is a blurred interior with warm lighting.

Елена К.

**Сказки
Иллимара**

Елена К.

Сказки Иллимара

<https://litres.ru/74294823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иллимар — город, где камни хранят голоса, а тени шепчут забытые имена. Когда дорога начинает кричать от боли, лишь немногие слышат этот крик. Арин — скромный архивариус, который становится хранителем памяти: он записывает тихие признания горожан, учится слушать шёпот улиц и понимает — чтобы спасти город, не нужны мечи, нужна благодарность.

Вместе с мудрым Каэлом, жрицей Мири, рассказчиком Бартом и упрямым капитаном Велтаром Арин противостоит тому, кто хочет превратить память в оружие. Но главная битва разворачивается не снаружи: это борьба с собственным страхом перестать слышать мир.

«Книга памяти дороги» — это городское фэнтези с философской притчей внутри: о том, как важно замечать мелочи, беречь общее прошлое и говорить простое «спасибо» тем местам, что держат нас на земле. Тёплая, но напряжённая история для тех, кто верит: чудеса живут там, где их помнят.

Содержание

Все Главы	4
Глава 1: Город на изгибе	5
Глава 2: Дорога, которая шепчет	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сказки Иллимара

Все Главы

Глава 1: Город на изгибе

Город Иллимар был построен так, будто его проектировал человек, который боялся прямых линий. Улицы здесь не шли ровно, а мягко изгибались, повторяя форму полумесяца, в который упирался край города. Говорили, что так задумали древние: полумесяц должен был ловить лунный свет и направлять его в сердце города, чтобы даже в самую тёмную ночь в Иллимаре не гасли огни. Но старожилы шептались и другое: будто изгиб улиц — это не красота, а защита, потому что прямые линии слишком легко пропускают сквозь себя дурные взгляды и злые слова.

Арин, младший хранитель архивов, стоял у окна и смотрел, как рассвет медленно заливает крыши охрой и золотом. Ему нравилось это время суток, когда город ещё не проснулся и казался почти честным — без суеты, без лицемерия, без бесконечных споров о том, кто важнее: жрецы, купцы или стража. В эти минуты Иллимар будто сбрасывал с себя дневные маски и становился просто городом — старым, уставшим, но всё ещё старающимся держаться прямо, несмотря на все свои изгибы.

В руках у Арина была папка с записями, которые он должен был сверить. Но что-то было не так. Он уже третий раз перечитывал одну и ту же страницу, и каждый раз она ка-

залась ему чуть-чуть другой. Вчера в тексте говорилось о «празднике Лунного Зеркала», а сегодня фраза звучала как «праздник Лунного Затмения». И это была не опечатка. Это было изменение.

«Наверное, чернила выцвели», — подумал Арин и тут же усмехнулся собственной наивности. Чернила в архивах Иллимара не выцветают. Их делали с добавлением смолы дерева, которое росло только в горах на востоке, и говорили, что эти чернила помнят всё, что когда-либо было написано. Суеверие, конечно, но в архивах суеверия живут дольше, чем здравый смысл.

Он подошёл к полке и вытащил ещё одну папку — более старую, из времён, когда Иллимар был не городом, а крепостью. Открыл наугад. И снова почувствовал этот неприятный холодок, который появляется, когда мир вдруг перестаёт быть надёжным.

На странице было написано: «В год, когда дорога впервые заговорила, мы поняли, что мир больше не наш».

Арин нахмурился. Он точно помнил, что в прошлый раз, когда он смотрел эту папку, там говорилось: «В год, когда дорога впервые дрогнула, мы поняли...»

«Дрогнула» и «заговорила» — это не одно и то же. Одно — про страх, другое — про предупреждение. Одно можно списать на землетрясение, другое нельзя.

За спиной скрипнула половица. Арин вздрогнул и резко обернулся.

— Ты опять стоишь и смотришь в одну точку, — слышался голос.

Это был Каэл, старший хранитель. Он был невысоким, но двигался так, будто занимал больше места, чем позволяли стены. Его седые волосы были собраны в тугий узел, а глаза смотрели так, словно он видел не только то, что перед ним, но и то, что должно произойти. В архивах говорили, что Каэл помнит наизусть все тексты до последней запятой, а ещё — что он помнит даже те тексты, которых в архивах никогда не было.

— Я не смотрю в одну точку, — возразил Арин. — Я смотрю на текст, который меняется.

Каэл подошёл ближе, взял папку и быстро пробежал глазами страницу. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— И что ты видишь?

— То, что вчера здесь было написано другое слово.

Каэл помолчал, потом закрыл папку и положил её обратно на полку. Его пальцы задержались на корешке чуть дольше, чем нужно.

— Иногда слова меняются, чтобы напомнить нам, что мы не всё знаем.

— Или чтобы напомнить, что мы всё забываем, — тихо добавил Арин.

Каэл улыбнулся, но улыбка получилась грустной, будто она была сшита из старых воспоминаний.

— Именно поэтому мы здесь. Чтобы помнить. Даже если

мир не хочет, чтобы мы помнили.

За окном первые лучи солнца коснулись купола храма, и на мгновение показалось, что купол вспыхнул изнутри. Арин снова посмотрел на папку, будто ждал, что слова изменятся ещё раз. Но страница оставалась неподвижной.

Пока.....

В архиве пахло пылью, старым пергаментом и чем-то ещё — чем-то едва уловимым, похожим на запах остывшего пепла. Это был запах забытых историй, тех, о которых никто не хотел вспоминать. Арин знал, что в дальних секциях архива хранятся папки, к которым не прикасались десятилетиями. Там лежали отчёты о странных явлениях, письма от путешественников, которые так и не вернулись, и протоколы заседаний Совета Старейшин, где обсуждалось, как поступать, если дороги начнут говорить.

Когда-то давно, ещё до рождения Арина, ходили слухи о том, что дороги Ора-Тала — это не просто пути из камня и земли. Говорили, что они были созданы древними строителями как живые существа, способные чувствовать и реагировать на то, что происходит в мире. И если эти дороги начинали говорить, значит, баланс был нарушен.

Но сейчас об этом почти не вспоминали. Люди предпочитали думать, что дороги — это просто дороги, а странные истории — это сказки для детей и стариков.

Арин отошёл от полки и подошёл к своему рабочему столу. На нём лежали ещё несколько папок, которые нужно бы-

ло проверить. Он открыл одну из них и начал читать. И снова его взгляд зацепился за странное несоответствие. В отчёте о поставках зерна за прошлый год вдруг появилось упоминание о «необычном шуме, доносившемся с восточной дороги». Арин точно знал, что раньше этого абзаца не было.

Он поднял голову и посмотрел на Каэла, который теперь сидел за своим столом и что-то писал.

— Каэл, — тихо позвал Арин. — Ты видел это?

Старший хранитель не поднял головы.

— Что именно?

— В отчёте о зерне... там появился новый абзац. Про шум на дороге.

Каэл наконец поднял глаза. В них мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Да. Я видел.

— И ты ничего не скажешь?

Каэл отложил перо и посмотрел на Арина долгим взглядом.

— А что я должен сказать? Что мир меняется? Что старые дороги напоминают о себе? Мы оба это знаем. Вопрос в том, готовы ли мы услышать, что они хотят сказать.

Арин сжал кулаки. Ему хотелось закричать, что он не готов, что ему не нужны эти загадки, что он просто хотел спокойно работать в архиве, читать старые тексты и не думать о том, что мир может быть не таким, каким кажется. Но вместо этого он только тихо спросил:

— А если мы не услышим?

Каэл медленно покачал головой.

— Тогда дороги скажут громче. И тогда уже никто не сможет притворяться, что ничего не происходит.

В этот момент снаружи раздался странный звук — не то скрип, не то шёпот, будто кто-то провёл пальцем по каменной стене. Арин замер. Каэл встал из-за стола, подошёл к окну и выглянул наружу.

— Это всего лишь ветер, — сказал он, но в его голосе не было уверенности.

Арин подошёл к окну и тоже выглянул. Улица была пуста. Только вдалеке, на изгибе дороги, мелькнула тень. Она двигалась не так, как двигаются люди. Она будто скользила по камню, сливаясь с тенями домов.

И в этот момент Арин понял: город Иллимар больше не был просто городом. Он был частью чего-то большего, чего-то древнего и непонятного. И это что-то начинало просыпаться.

Прошло ещё несколько часов, прежде чем в архив спустился посыльный от Совета Старейшин. Это был юноша в серо-зелёной ливрее — цвете, который в Иллимаре носили те, кто не хотел привлекать к себе внимания. Он остановился у порога, будто боялся переступить невидимую черту между миром живых и миром бумаг.

— Господин Каэл, — проговорил он, слегка поклонившись, — вас просят явиться на внеочередное заседание Со-

вета. По вопросу... — он запнулся, будто подбирая слово, которое не должно было звучать слишком громко, — по вопросу дорожной сети.

Каэл не удивился. Он вообще редко удивлялся. Но Арин заметил, как на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на обречённость.

— Хорошо, — спокойно ответил Каэл. — Я приду.

Посыльный кивнул и уже хотел уйти, но Арин его окликнул:

— Подожди. А что именно случилось? На дорогах что-то произошло?

Юноша посмотрел на него так, будто увидел впервые.

— Говорят, что на восточной ветке... камни начали шептать. И ещё... — он понизил голос, — говорят, что тени стали длиннее, чем положено.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив после себя запах улицы — пыли, горячего камня и чего-то горького, похожего на дым.

Арин повернулся к Каэлу.

— Шепчущие камни, — тихо произнёс он. — Я думал, это легенда.

Каэл вздохнул, снял с гвоздя свой плащ — старый, потрёпанный, с выцветшими узорами, которые когда-то обозначали принадлежность к ордену Хранителей Памяти.

— Легенды редко рождаются на пустом месте. Чаще всего они — это память, которую мы не хотим признавать.

— Ты пойдёшь туда? К дорогам?

— Нет. Сначала я пойду к Совету. Они должны знать, что происходит. Даже если они не хотят этого знать.

Арин почувствовал, как внутри у него всё сжалось.

— Я пойду с тобой.

Каэл покачал головой.

— Не надо. Остайся здесь. Продолжай проверять записи. Если слова продолжают меняться, фиксируй каждое изменение. Это может быть важно.

— А если я увижу что-то... страшное?

Каэл на мгновение задержал на нём взгляд.

— Страшное бывает разным. Иногда самое страшное — это не чудовища, а правда, которую мы слишком долго игнорировали.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, и Арин остался один среди полок, папок и тишины, которая теперь казалась ему не спокойной, а насторожённой.

Оставшись один, Арин вернулся к столу. Он хотел сосредоточиться на работе, но мысли разбегались. Он снова открыл папку с отчётом о зерне и перечитал тот самый абзац про шум на дороге. Слова не изменились. Но теперь ему казалось, что они смотрят на него — будто сами буквы были живыми и ждали, когда он наконец поймёт их смысл.

Чтобы немного отвлечься, он решил заглянуть в раздел, где хранились старые дорожные карты. Эти карты были особенными: они не просто показывали путь, но и отмечали

места, где дороги могли «вести себя странно». На одной из карт, пожелтевшей от времени, он нашёл отметку рядом с восточной веткой: маленький символ, похожий на раскрытый рот. Рядом была приписка мелким почерком: «Рот земли. Не будить».

Арин провёл пальцем по линии дороги, которая тянулась от Иллимара к востоку. Она извивалась, как змея, огибая холмы и пропасти. И в одном месте, там, где стоял символ, дорога делала резкий поворот, будто сама боялась приблизиться к чему-то.

Внезапно за его спиной раздался тихий треск. Арин резко обернулся, но в комнате никого не было. Только одна из папок на полке чуть сдвинулась, будто её кто-то тронул. Он подошёл и открыл её. Внутри лежал лист бумаги, которого раньше там не было. На нём было написано всего три слова: «Они уже здесь».

Арин замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Он огляделся, будто ожидая увидеть кого-то в тени, но архив был пуст. Только пыль кружилась в лучах света, пробивавшихся сквозь узкие окна.

Он снова посмотрел на записку. Почерк был незнакомым. И самое странное — бумага выглядела старой, будто пролежала здесь много лет, хотя ещё минуту назад папки были закрыты.

Арин аккуратно положил лист обратно, закрыл папку и глубоко вздохнул. Ему нужно было собраться с мыслями. Он

знал, что Каэл вернётся, и тогда они вместе решат, что делать. Но пока он был один, и тишина архива давила на него сильнее, чем когда-либо.

Ближе к полудню в архив заглянула Лисса — помощница из канцелярии Совета. Она была невысокой, с тёмными волосами, заплетёнными в десятки тонких косичек, и всегда носила с собой маленький блокнот, куда записывала всё подряд: от сплетен до расписания полива цветов в зале заседаний.

— Привет, — сказала она, заглядывая в дверь. — А Каэл где?

— Его вызвали на заседание Совета, — ответил Арин, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Лисса нахмурилась.

— Опять? Да что у них там происходит? Утром ко мне в канцелярию принесли три донесения с восточной дороги. Все одинаковые по сути: «камни шепчут». Я думала, это шутка.

— А ты не думаешь, что это может быть правдой? — спросил Арин.

Лисса пожала плечами.

— В Иллимаре столько легенд, что иногда трудно понять, где заканчивается сказка и начинается... ну, скажем так, неудобная реальность. Но если Совет всерьёз этим занимается, значит, дело серьёзное.

Она подошла ближе и посмотрела на стол Арина.

— А ты что делаешь?

Арин хотел было рассказать про меняющиеся слова и записку, но что-то его остановило. Вместо этого он показал ей старую карту.

— Смотри. Вот здесь, у восточной ветки, есть отметка. «Рот земли». Ты слышала об этом?

Лисса наклонилась, рассматривая карту.

— Ага. Это старая страшилка. Говорят, что там земля умеет слушать. И если ей что-то не нравится, она отвечает.

— И как она отвечает?

Лисса усмехнулась, но в её улыбке не было веселья.

— По-разному. Иногда просто трещинами в дороге. Иногда... голосами.

Арин посмотрел на неё, пытаясь понять, шутит она или нет.

— Ты правда в это веришь?

— Я верю в то, что люди не стали бы придумывать такие истории без причины. И я верю в то, что Совет не стал бы собирать внеочередные заседания из-за пустяков.

Она выпрямилась и посмотрела на него.

— Слушай, если тебе тут одному не по себе, можем пойти вместе в столовую. Или просто поболтать. Тут иногда бывает так тихо, что начинаешь слышать то, чего нет.

Арин улыбнулся, впервые за день чувствуя, что напряжение немного спадает.

— Спасибо. Но я пока посижу. Хочу ещё кое-что прове-

ритель.

Лисса кивнула.

— Ладно. Но если вдруг услышишь, как папки начинают петь, сразу зови меня. Договорились?

Она подмигнула и ушла, оставив после себя лёгкий аромат лаванды и ощущение, что мир ещё не совсем сошёл с ума.

Когда Лисса ушла, Арин снова сел за стол. Он достал чистый лист и начал записывать всё, что заметил за сегодня: меняющиеся слова, новый абзац в отчёте, записку «Они уже здесь», легенду о «Роте земли». Он хотел, чтобы это выглядело как обычный отчёт, но чем больше он писал, тем сильнее понимал, что описывает не факты, а начало чего-то большого и пугающего.

Солнце медленно двигалось по небу, и тени в архиве становились длиннее. Арин поймал себя на мысли, что теперь он смотрит не на тексты, а на тени — на то, как они ложатся на страницы, как будто пытаются что-то ему сказать.

И когда тень от окна наконец коснулась его записей, ему показалось, что буквы на бумаге чуть дрогнули, будто собирались сдвинуться с места и убежать.

Он резко закрыл тетрадь и отложил её в сторону.

«Это просто усталость», — повторял он про себя. Но в глубине души он знал, что дело не в усталости. Дело было в том, что город Иллимар, его дороги и даже его тени начинали жить своей жизнью. И эта жизнь хотела, чтобы её заметили.

Глава 2: Дорога, которая шепчет

Каэл вернулся ближе к закату. Его плащ был покрыт тонкой серой пылью, будто он не просто ходил по залам Совета, а успел пробежать полгорода. Он молча повесил плащ на гвоздь, сел на свой стул, с минуту посидел, закрыв глаза, и только потом посмотрел на Арина.

— Совет постановил: никаких самостоятельных расследований. Никаких выходов к восточной дороге. Они говорят, что это паника, слухи и «искажённое восприятие».

Арин сжал кулаки.

— А ты?

Каэл устало улыбнулся.

— Я сказал, что восприятие может исказиться, но камни не лгут. И если камни шепчут, надо слушать. Меня не послушали.

— Значит, я пойду сам.

Каэл резко выпрямился.

— Не надо. Ты не готов.

— А кто готов? Ты? Тебя держат в Совете, и ты не можешь выйти без надзора. А я могу.

Старший хранитель помолчал. Потом встал, подошёл к дальней полке, снял с неё небольшую жестяную коробочку, открыл и достал оттуда плоский камешек, отполированный

до гладкости. На одной стороне был выбит странный узор — не то спираль, не то лабиринт.

— Это путевой оберег. Делали ещё в старые времена. Говорят, он не спасает от беды, но помогает не потерять себя, когда мир начинает говорить на непонятном языке. Возьми.

Арин хотел отказаться — он не любил суеверий. Но потом подумал, что если даже Каэл, который не верит ни в пророчества, ни в чудеса, даёт ему этот камень, значит, дело серьёзное, чем кажется.

— Спасибо.

— И ещё. Не иди по главной дороге. Там сейчас стража и наблюдатели Совета. Иди через Нижний рынок и дальше по тропе вдоль старых акведуков. Она ведёт к восточной ветке, но почти не используется.

— Почему?

Каэл чуть прищурился.

— Потому что акведуки давно пересохли, и люди не любят ходить там, где вода когда-то была, а теперь её нет. Говорят, что пересохшие русла помнят, как они звучали. И иногда начинают звучать снова — но уже не водой.

Арин кивнул. Он не стал спрашивать, что значит «звучать не водой». Он уже начинал понимать.

Нижний рынок жил своей жизнью — шумной, пряной, беспокойной. Здесь торговали всем: от сушёных трав, которые, по словам продавцов, «помогают слышать правду», до старых дорожных фонарей, в которых, как уверяли, «ещё

живёт свет». Арин пробирался между лотками, стараясь не привлекать внимания.

У лотка с травами стояла старуха в тёмно-синем платке. Её глаза были такими чёрными, что в них, казалось, отражался не свет, а сама тень.

— Эй, юноша, — окликнула она Арина, когда он проходил мимо. — Хочешь узнать, что шепчет дорога?

Арин замер.

— Что?

Старуха усмехнулась, будто знала, что он спросит.

— Я вижу по глазам: ты идёшь туда, где камни говорят. А знаешь, почему они шепчут? Потому что земля устала молчать. Она помнит всё: и шаги тех, кто ушёл, и слова тех, кто солгал. И когда память становится слишком тяжёлой, земля начинает говорить.

— А что она говорит?

Старуха наклонилась ближе, и Арин почувствовал запах сухих трав и чего-то древнего, будто из самой глубины земли.

— Она говорит: «Я здесь. Не забывай». Но люди забыли. Вот она и напоминает.

Арин хотел спросить ещё, но старуха уже отвернулась, будто разговор был окончен.

Дальше он прошёл мимо лотка, где продавали маленькие глиняные свистульки в форме птиц. Торговец, молодой парень с веснушками, подмигнул ему.

— Купи свистульку. Если вдруг станет слишком тихо — свисти. Говорят, тишина — это тоже голос, только чужой.

Арин не стал покупать, но запомнил слова.

Тропа вдоль акведуков начиналась за последним рядом лотков, там, где город будто сбрасывал с себя нарядную маску и становился настоящим: старым, потрескавшимся, уставшим. Акведуки шли над землёй, как каменные рёбра, и в их арках гнездились ласточки. Но сейчас ласточек не было. И тишина здесь была другой — не спокойной, а насторожённой, будто кто-то прислушивался.

Арин шёл по тропе, чувствуя, как с каждым шагом воздух становится чуть тяжелее, будто он нёс не только себя, но и память этого места. Он достал камешек-оберег, который дал Каэл, и сжал его в ладони. Камень был тёплым, хотя вечер уже становился прохладным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.